

КРИТИКА.

I.

П. Моранъ. Павелъ I до восшествия на престолъ (1754—1796 гг.). Москва. 1912 г. кн. Некрасова.

Работа Морана прибавляетъ новое къ изслѣдованіямъ Брикнера, Кобеко, Шумигорскаго. Во-первыхъ, въ ней встрѣчается неизвѣстный доселѣ, архивный—заграничный матеріалъ; во-вторыхъ, въ ней ясное желаніе нарисовать психологическій образъ Павла I.

Оставляя въ сторонѣ первую новую черту, уже отмѣченную рецензентами-историками, мы остановимся на второй. Методъ Морана по существу историко-генетическій: открываются основные „элементы“ психологіи Павла и показывается постепенное, сложное ихъ оформленіе - сочетаніе. Каковы эти „элементы“ и какъ они раскрываются-развиваются?

Съ первыхъ же страницъ книги возникаютъ недоумѣнія: „элементы“ строятся, а не даются; изъ чисто-случайныхъ, обрывчатыхъ свѣдѣній сплетается то, что нужно будетъ потомъ: характеръ Павла не раскрывается генетически, а развивается заранѣе-принятая схема о психологическомъ профилѣ Павла. Историко-генетическій методъ переходитъ въ обычно-генетическій, всегда имѣющій про запасъ тайныя предпосылки.

Мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, періодъ дѣтства Павла. Вѣдь, въ немъ надо было усмотрѣть *залогъ* психологіи Павла, открыть психическіе „элементы“. Между тѣмъ, за вычетомъ общихъ построеній, приобрѣтающихъ психологическую значимость *косвенно*, чрезъ обрисовку ис-

торического фона, условий жизни Павла, остается вѣскольکو мелкихъ фактовъ, на которыхъ зиждется вся постройка Морана. Можетъ быть, мы не имѣемъ достаточнаго матеріала для этого, ранняго періода жизни Павла? Въ „Запискахъ“ С. Порошина дается, правда, разноцѣнный и сырой, но богатый матеріалъ... Порошинъ—любящій и любимый Павломъ воспитатель - учитель, человекъ просвѣщенный, натура честная.

Его „Записки“—подробный дневникъ. Матеріалъ „Записокъ“ можно разбить на два отдѣла: матеріалъ для характеристики Павла *косвенный* (общія условія, духовная среда и пр.) и *прямой*.

Въ дневникъ заносились всѣ мельчайшія подробности будничной жизни: въ немъ порой сама неподкрашенная жизнь. Между прочимъ, по разсѣяннымъ тамъ-сямъ замѣчаніямъ, ясно, что былъ опредѣленный *планъ* воспитанія и обученія, въ общихъ чертахъ соответствующій „Запискѣ“ Н. Панина, представленной имп. Екатериной. Методъ начального обученія былъ наглядный. Наглядность и живость проводятся и впослѣдствіи. Былъ набранъ штатъ учителей, болѣе или менѣе выдающихся (арх. Платонъ, Порошинъ, Остервальдъ, Эпинусъ и др.). Во главу угла ставилась ясность мысли, разсудительность. И законоучитель Платонъ, влѣявшій на Павла, былъ „разсудительно-религіознымъ“, „чуждымъ суевѣрія“, его проповѣди—дѣйствительныя, но „разумно-сложенныя“. И Порошинъ—врагъ суевѣрій—больше всего любилъ математику, рождающую здравомысліе. Въ застольныхъ, пестрыхъ разговорахъ чувствовался духъ энциклопедизма (Вольтеръ, Монтескье, Дидро), переплетающійся съ любовью къ „темной“ родинѣ.

Прямой матеріалъ для характеристики Павла касается его „физики“ и „психики“. По „Запискамъ“ Павелъ представляется физически-слабымъ, болѣзненнымъ. Частыя боли ощущались въ головѣ. Павелъ далъ имъ названья: круглая, плоская, простая, ломовая. Въ раннемъ дѣтствѣ постигшая „тяжелая болѣзнь“, все выученное „изъ памяти истребила“. Болѣзненность переходила въ крайнюю нервность: Павелъ боялся громкаго стука, особенно грозы, плохо спалъ, часто бредилъ. Изъ нервности—нетерпѣливость, капризы, слезы, зарушеніе „правиль“ приличія.

Яркое воображеніе налагаетъ неизгладимую печать на всю психологію Павла: оно гравичило съ ясновидѣніемъ. Окружающее жило для Павла иною жизнью, и объ этой тайной, задушевной жизни онъ иногда рассказывалъ любимому Порошину. Сознаніе Павла часто поглощались безотчетнымъ, капризнымъ чувствомъ: внезапная дружба—„влюбленность“, ласки, поцѣлуи безпричинно, без-тревожно смѣнялись спокойной холодностью, равнодушіемъ.

Сила чувствъ переходила въ болѣзненную чувствительность, при особой впечатлительности, пассивной—воспримчивости Павла. Павелъ ощущалъ „живую“ природу; любилъ слушать шумъ вѣтра, любилъ сумерки, полумракъ театра. Замѣчались явныя странности: Павелъ не выносилъ *открытыхъ* дверей, зажигалъ въ комнатахъ опредѣленное количество свѣчей, „нюхалъ“ все новое. Однако, онъ сознавалъ поглощеніе мысли чувствомъ; боролся съ этимъ, слѣдуя всестороннимъ совѣтамъ „имѣть здравое разсужденіе“. Его мысль была развита не по-дѣтски, за математическія способности Порошинъ шутилъ называлъ его возможнымъ Паскалемъ...

Но больше всего, вопреки обличеніямъ „суевѣрій“ и всякихъ „тайностей“, душа Павла влеклась къ тайнамъ жизни-смерти съ малолѣтства. Въ его натурѣ просвѣчиваетъ что-то мистическое. Онъ любилъ храмъ, усердно молился, читалъ самъ Евангеліе, Библию, задавалъ религіозные вопросы.

Воображеніе и чувства обострились посѣщавшими его странными предчувствіями. Вопреки объясненіямъ, что сны—„отъ желудка“, Павелъ придавалъ имъ большое значеніе. Временами его преслѣдовала мысль о смерти. Онъ „воображалъ“ время и пространство и ужасался безконечности...

Мы передали въ самыхъ общихъ чертахъ матеріалъ „Записокъ“, касающійся личности Павла. Моранъ не использовалъ этихъ богатствъ, но тѣмъ не менѣе свои выводы онъ строитъ на основаніи вырванныхъ изъ контекста, отдѣльныхъ сообщеній „Записокъ“, скрѣпляя ихъ и освѣщая неестественно-сильнымъ свѣтомъ. Вотъ примѣры. 1) Павелъ какъ-то рассказывалъ, что въ дѣтствѣ выпалъ изъ зыбки. Въствѣ съ тѣмъ извѣстно, что Елизавета Петровна взяла Павла въ свои покои и прямо „душила ухаживаніями“.

Моранъ, на основаніи случайнаго сообщенія, рисуетъ слѣдующую блестящую, но легко-стирающуюся, картину. „Дѣти плакали, кричали отъ холода, падали изъ своихъ кроватокъ, никто не обращалъ на нихъ вниманія, и Павелъ пользовался не лучшимъ уходомъ“ (30 стр.). 2). Частые гости давали со-вѣты (ни къ чему не обязывающіе и не исполнявшіеся) о томъ, какъ и чему учить Павла. Вѣроятно, имѣя въ виду только это, противорѣча общему содержанию „Записокъ“,— Моранъ опять рисуетъ слѣдующую картину... Уроки этихъ учителей были сухи и педантичны. вмѣсто того, чтобы давать изучать предметы самому ученику, лишь немного помогая ему при этомъ, какъ хотѣлъ того Руссо, они думали только о томъ, чтобы заразъ напичкать его всевозможными свѣдѣніями... Всѣ наперерывъ желали обучать великаго князя, и какъ можно дольше держать его въ своихъ рукахъ (68 стр.). Достаточно вспомнить общій принципъ планомѣрнаго обученія и воспитанія (наглядность), чтобы сказать, что въ картинѣ Морана нѣтъ никакого правдо-подобія. 3) А вотъ примѣръ построенія, пренебрегающаго рамками времени. Теплоу преподавалъ государство-вѣдѣніе сухо, неинтересно. Это было послѣ ухода Порошина. Моранъ, обобщая, приходитъ къ выводу, что поставлена была цѣль „не развивать Павла“, а „навѣвать скуку“, и Екатерина будто бы радовалась „невѣжеству“ своего сына. Всѣ эти картины, искусственно-подобранные,—отчасти заложены въ простой пред-посылкѣ Морана о напряженности дворцовой атмосферы: дворцовъ императрицы и наследника Павла.

Перейдемъ къ фактамъ, касающимся психологіи Павла въ узкомъ смыслѣ слова. Моранъ основную черту психологіи Павла—воображеніе—сводитъ къ „мечтаніямъ“, рожденнымъ исключительно *праздностью*. Праздность же—плодъ недостатка пищи для ума, а недостатокъ проистекаетъ изъ желанія видѣть въ Павлѣ „невѣжду“.

Но, во-первыхъ, пищи для ума было даже черезчуръ много и, во-вторыхъ, „мечтанія“ Павла выражаютъ его природу, а не являются плодомъ внѣшнихъ, случайныхъ вліяній. Вѣдь, всѣ насаждали въ душѣ Павла разсудительность... И вотъ изъ праздности чрезъ мечтанія выводится вся сложная, утонченная психологія Павла.

Мы вовсе не думаемъ ни защищать ни оспаривать одинъ

изъ основныхъ тезисовъ Морана: о болѣзненности мистицизма Павла. Важенъ путь, которымъ шелъ Моранъ; важны „элементы“, изъ которыхъ построится личность Павла. Эти „элементы“, прежде всего, слишкомъ расплывчаты, неопредѣленны (мечтательность, общія условія и пр.); равно какъ запутано и темно сочетаніе этихъ элементовъ въ многообразное цѣлое. Между тѣмъ, въ „Запискахъ“ Порошина обрисовываются черты характера, которыя могутъ стать „элементами“, дается общее *выраженіе* молодой души Павла, которое можетъ прояснить этапы ея развитія. Вотъ у Морана глава о мистицизмѣ (353—69 стр.). Въ ней нѣтъ почти ничего опредѣленнаго, касающагося лично Павла; здѣсь общія схемы, къ кому угодно приложимыя: это схемы для болѣзненнаго мистицизма вообще. А, вѣдь, у насъ есть конкретныя данныя о мистическихъ излученіяхъ души Павла. Воображеніе—ясновидѣніе, во-ображеніе страшнаго суда, времени—пространства, страхъ смерти, чувство грѣха, предчувствія, сны въ сочленности съ психико-физическими странностями натуры Павла—могли бы выяснить очень многое. Конечно, „Записка“ Порошина вовсе не единственный источникъ для характеристики Павла, но, все-таки, одинъ изъ основныхъ источниковъ, тѣмъ болѣе, при построеніи психологіи Павла генетическимъ методомъ.

Въ заключеніе поставимъ вопросъ: почему Моранъ такъ опрометчиво и частично воспользовался „Записками“? Моранъ ссылается на Кобеко, въ работѣ котораго есть всѣ факты, использованные Мораномъ. Но въ работѣ Кобеко, гдѣ собрано много фактовъ, нѣтъ систематизаціи ихъ, нѣтъ цѣлостности. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, Кобеко не ставилъ задачу нарисовать психологическій обликъ Павла. Моранъ придавалъ не-сочлененнымъ фактамъ произвольную всеобщность и истолковалъ въ необходимомъ для себя смыслѣ.

Конечно, недочеты, отмѣченные нами и касающіеся обрисовки *дѣтства* Павла, не обезцѣниваютъ большого значенія за изслѣдованіемъ Морана, но первыя страницы все же бросаютъ невольную тѣнь на послѣдующія страницы, вплоть до самой послѣдней.

С. Голованенко.